

Липскеров Дмитрий 25.11.02

ПЕРСОНА

Нам, читателям, и невдомек, что романист на правах совладельца держит в Москве рестораны. Эти противоположные ипостаси мирно в нем сосуществуют. Навсегда у него включен хронометр: работать; работать то в домашней тишине, то в гуле собственных "Дров". В делах он обстоятелен и рационален.

Мы встретились в японском ресторане "Рис и Рыба". К соседнему столику островитянам подали что-то белое и горообразное, как Фудзияма. Мимо окон "Ударника" в сторону Кремля с оглушительными сигналами мчались "членовозы". Дмитрий Михайлович сел спиной к окну: эти вечные гонки ему давно осточертели.

— Дмитрий Михайлович, вы человек успешный и, вероятно, вызываете зависть у тех людей искусства, кто не успел, не сумел, остался на низшем дольстве. А сами кому-то завидовали, когда еще не были известны?

— Никогда и никому.
— Какое качество характера вас всегда выручает?

— Сила воли.
После Щукинского училища актер Липскеров работал в театре "Люди и куклы". Наверное, природная взыскательность заставила Дмитрия оставить театральные подмостки и взяться за перо.

— Первую пьесу вы принесли в "Ленком"?
— Нет. Сначала я пришел в театр Табакова. Он принял мою первую пьесу. "Река на асфальте" шла и в "Табакерке", а потом ее поставили более 80 театров.

— Удивительно, но в революционный 91-й год вы вдруг махнули в США. И не туристом, а политическим эмигрантом. Может быть, вы сочувствовали ГКЧП?

— Ну почему? Да все три дня смуты я отстоял с москвичами у Белого дома! Но вскоре после этого решил уехать. Из-за бесперспективности. Не лично моей — а страны в целом. И у меня было ощущение, что я уезжаю навсегда. Политикой я вообще не интересовался, даже не думал об этом. В 27 лет я занят был только своими ощущениями. Я думал о надобности или ненадобности, о своей причастности или непричастности к ситуации в России. Внутренне я не хотел быть причастным ни к чему. Если бы сейчас произошло то, что произошло тогда, я не пришел бы к Белому дому. Ни за что! Ни при каких ситуациях не стану защищать каких-то политических деятелей. Почему я должен своей жизнью чьи-то интересы подкармливать? Считаю, защищать можно только Родину.

— В США вы получили вид на жительство?
— Я был нормальный нелегальный эмигрант.
— Кто вас поддерживал? На что вы жили?

— Никто меня не поддерживал. Я сам пробирався: мыл полы, посуду в ресторанах. Жизнь у нас там была тяжелая.

— Вы большой и сильный. Вас это не унизило. Очевидно, к тому времени вы внутренне чем-то были защищены?

— На родине я уже был достаточно известным человеком. И обеспеченным. У меня шли пьесы. Тогда хорошо платили за пьесы. Я писал сценарии.

— А в Лос-Анджелесе вы разносили пиццу... И как к этому скучному занятию отнесся рафинированный московский интеллект?

— С удовольствием. Из князя в грязи — полезно...

— Чему вас научила Америка?
— Зарабатывать деньги.
— Вы все-таки через год вернулись в Россию... Произошла переоценка ценностей?

— Мне страшно захотелось домой: я заболел ностальгией.

— Героиня романа "Сорок лет Чанчжоз" Франсуаза Коти не по-женски точно определяет: "Большой русский народ в своих стремлениях к иллюзиям". Сспособен ли ныне наш народ вынести еще одну глобальную иллюзию?

— Люди делятся на живущих иллюзиями и на тех, кто живет реальностью. Наш народ более склонен жить иллюзиями — светлыми, недостижимыми мечтами.

— Отчего это возникло? От полной нищеты? От невозможности подняться над каким-то уровнем своего убогого быта?

— Мне кажется, что 1861 год, год отмены крепостного права, от нас недалеко ушел. Народ вроде

Первая же пьеса молодого драматурга ставилась в "Табакерке". Спектакль Марка Захарова по его "Школе для эмигрантов" в свое время был знаковым — публика рвалась его посмотреть. По-настоящему Дмитрия Липскерова прославили романы: "Пальцы для Кэролайн", "Сорок лет Чанчжоз" (в 1997 году он вошел в шорт-лист Букера), "Пространство Готлиба", "Последний сон разума", "Родичи".

ЖИЗНЬ БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ

Дмитрий ЛИПСКЕРОВ:
"У меня было ощущение, что я уезжал в США навсегда"

Признаюсь, в романах Дмитрия Липскерова меня больше всего увлекают не мистика, не абсурд, хотя он пугающе-занятен, не тектонические изменения в людях и вокруг — тут он большой выдумщик и мастер. Поразил меня язык, стремление автора к пластическому совершенству фразы, высказывания. И я спросила Дмитрия Михайловича:

— Такую свободную и выразительную речь нельзя приобрести даже в Литинституте. Откуда в вас это?

— Действительно, литературному языку научиться нельзя. Он вырастает вместе с тобой. Посредством всяческих сюжетных линий и трюковых ухищрений вещь не сделать. Чаще всего нас окружают писатели без языка. Я знаю всего несколько прозаиков, кто отлично работает со словом.

— Недавно в одной маленькой публикации к вашему имени прибили определение "модный писатель". Надеюсь, в таком качестве вы себя не воспринимаете? Как вы вообще относитесь к понятию "модная литература"?

— Не знаю, что это такое. Есть писатели и неписатели. Какими бы тиражами их книжки ни выходили, сами они ничьих мест не занимают. Простая аналогия: на рынок поставляется чаще всего неважная картошка — нынче ее обязательно купят. Люди у нас забыли, что такое качественная литература.

— Модную карманную книжку берут в дорогу, в транспорт, читают по диагонали, потом выбрасывают. Воспринимается афоризм Ницше: "Сон разума порождает чудовищ". Одна из пос-

ледних ваших книг называется "Последний сон разума"...

— Она навеяна не реминисценцией из философского наследия. Я не приучен говорить о своих сочинениях...

— Тогда я спрошу, отправляясь от Толстого: какая идея вас жгла и глодала, когда вы писали этот роман?

— В поздних книгах меня волнует национальная идея. Я занимаюсь поисками ее корней. Книга вышла очень опосредованная. Откуда и что произошло в моей стране.

— О национальной идее говорит Проханов, говорят упертые члены компартии. Есть ли что-то общее между вашими устремлениями?

— Моя идея проста — это любовь к своей стране. Как говорят, любви России в нелогоду. У меня абсолютно точное понимание, что я отсюда никогда не уеду. Здесь моя Родина. Я сейчас больше всего занимаюсь воспитанием своих детей. Моя семья — для меня главное. Никакую идею, как бы она ни была велика, я не поставлю во главу угла. Мне нужна уверенность, что в нашей семье все хорошо, дети здоровы и накормлены. Если каждый будет заниматься своей семьей, тогда у нас все будет хорошо. Тогда писатели и деятели культуры перестанут лезть в Думу, а законодательством займутся профессионалы, а не люди с известными лицами. Это моя национальная идея.

— Я слышала, что у вас сейчас третья семья.

— Да. Один брак у меня был еще до отъезда в США. Женился я по любви. Влюбился по-настоящему в 18 лет. Очень долго ухаживал, по-моему, года четыре. Даже по тем временам это колоссально. Все добивался ее расположения только ко мне. И, несмотря на любовь, прожили мы с женой всего 11 месяцев.

— Детей не успели завести?

— Нет. Не было детей и во втором браке... Теперь у меня двухлетний сын Константин и дочка Софья трех месяцев. Я принимал детей в роддоме — перевязал обоим пуповину. И ловил их первый взгляд! Они совершенно разные. У мальчика взгляд показался философским, взгляд всезнающего младенца. У Софьи был взгляд девочки. Она родилась сразу счастливой и улыбнулась. Сейчас у них два разных характера.

— Девочка прорисована — и улыбается. А мальчик,

Последняя любимая жена.

наоборот, словно спрашивает: "Зачем я здесь, в этой жизни?..."

— Ваша юная жена — артистка.
— Маша по профессии танцовщица и певица. Она в абсолютной форме.

— Вместе ходите в тренажерный зал?
— Сейчас хожу один. Маша кормит грудью Софью. Все как должно быть.

— Она вас покорила своим искусством?
— Я увидел ее на сцене. Маша занималась народным танцем профессионально. Она была не артисткой кордебалета, а танцовщицей высокого класса. Работала она в модной группе, и, возможно, по этой причине в отношениях наших все было зыбко и ненадежно. Сначала казалось, что пройдет некоторое время — и мы расстанемся. Но, к счастью, оправдались лучшие надежды.

— Надо бы освятить брак венчанием...
— Это глубоко личное.

— Вы почти многолетний отец, успешный писатель и состоятельный бизнесмен — весь в "Дровах".

— В жизни все трудно успеть. Ведь бизнес, который я делаю, исключительно ради того, чтобы иметь независимость как от издательства, так и от критиков. В крайнем случае я себе сам могу создать издательство. К бизнесу я любви не имею. И радости от материальных дивидендов не получаю. Мы даже деньги тратить толком не умеем.

— Разрываетесь между романым действием и стейком из мраморного мяса?

— Все сложно. У человека — два полушария. Одно может заниматься искусством, другое — выбирать шабу-шабу в кунжутном соусе с овощами. Я знаю немного примеров в стране, чтобы человек успешно занимался искусством и бизнесом — на одном уровне. Действительно трудно. Дело из тебя все высасывает.

— Знаменитый американский астролог Донна Миклер утверждает, что для Водолея фраза Водолея: "Я знаю". Ключевое слово — "воображение". Ну прямо про вас.

— Да, я Водолей. И признаюсь, мои первые слова были: "Я знаю". Но это были слова гадкого, упрямого ребенка, который всегда торопился твердить: "Я знаю, знаю", чтобы от него отстали.

Честно говоря, в астрологию я верю слабо. Я верующий православный, и мне достаточно верить в то, во что я верую.

— Вы прихожанин какого храма?
— Я не прихожанин. Хожу в разные храмы. Мой духовник не в Москве. Он находится в монастыре на одном из полуостровов Ладожского озера. Не на Валааме. На Валаам я бы не хотел поехать. В моей последней книге "Русское стоккато — британской матери" я написал немного о Валааме: экскурсия по острову стоит 19 долларов! Монахи ходят в ша-е-ельфовых рясах. Когда спрашиваешь: "Где у вас продаются водка?" — показывают: "Вот, напротив храма". Какое-то безумие...

— Знаю, что вы журналисты дома у себя не принимаете. Но друзья-то допущены?

— У меня очень мало друзей. Но именно они-то и бывают у нас. Считаю, дома я могу общаться только с людьми, духовно мне близкими: в душе они ни-

чего гадкого не принесут с собой. У нашего поколения — почти у всех — практически мало друзей. Поколение моей бабушки было в этом смысле более счастливым. У нас в маленькой двухкомнатной квартире собиралось до 60 человек. Устраивались кто где: за столом, на каких-то табуретках, подставках. Бабушка умела печь такие вкусные пироги с капустой!..

— А какой из ваших бабушек Евгений Евтушенко посвятил "Бабий Яр"?

— Моей двоюродной бабушке — Марии Моргуновой, завлиту Центрального детского театра. У нее дома был настоящий салон. Там бывали и Евтушенко, и Окуджава, и более молодые. Она сама писала замечательные стихи.

— Скажите, вы можете обольститься целью — повлиять романом на общество?

— Нет, не терплю нравочений. Пишу исключительно для себя. После, когда книжка уже вышла, меня начинает интересовать читатель.

— Вы обидчивый?
— Я помню обиды. Но в моих воспоминаниях о них нет зла. Никогда никому не мстил. Это не сходится с моими убеждениями. Если мне кто-то скажет, что он забыл о той подлости, которую против него совершил какой-то человек, я этому никогда не поверю.

В наше время редки случаи добрых общественных деяний. Поступков не хватает. Потрепаться о народ любят все. А вот Дмитрий Липскеров вместе с депутатом Госдумы Андреем Скочем, президентом Международного фонда "Поколение", осуществил замечательный проект — создал литературный конкурс "Дебют" для людей не старше 25. По его итогам лауреаты в пяти номинациях получают по 2 тысячи долларов. К тому же осуществляется ежегодная издательская программа для произведений самых талантливых.

— Дмитрий Михайлович, что вас подвигло на этот шаг: помогать литературной молодежи, растить будущих соперников?

— Я никогда не боялся заводить себе конкурентов. Это поколение, идущее за мной. Они все равно от меня отличаются всем своим существом. Эти молодые авторы не будут похожими на меня, а я — на них. Памятуя о том, что мне когда-то в начале пути помогли старшие товарищи, в частности драматург Александр Мишарин, считаю должным в наше тяжелое время помочь молодым людям, имеющим литературные способности. Благодаря нашей независимой премии "Дебют" молодая литература стала более заметна: наших лауреатов уже печатают толстые журналы. Издательства начали проявлять к ним любопытство.

— А кто же дает деньги фонду "Поколение"? Есть ли личные, частные подношения?

— Дают какие-то российские и зарубежные частные структуры. Фонд занимается благотворительностью: финансирует сложные операции на сердце больных детей, участвует в восстановлении памятников архитектуры, реставрирует старые и строит новые церкви.

— Ну что ж, а драматург Липскеров не собирается еще раз выйти на сцену?

— Может быть. Никогда не говорю "нет". Пока не очень хочу. Мне кажется, что, несмотря на благостное мнение, будто с театром у нас все хорошо, с театром у нас все плохо. Все критерии занижены. Я счастливый человек — застал БДТ в расцвете. Мне сейчас странно, даже дико смотреть какие-то матерные пьесы, совсем пошлые. Культурный уровень народа, даже интеллигентные, искусственно понижен. Театр, увы, здесь тоже виноват.

Когда истек условленный и, кажется, мгновенный час встречи с писателем и Дмитрий Михайлович откланялся, я наконец смогла отдать должное заставшему в ожидании торту "Императорский" и горячему кофе. И пожалела, что не спросила у Дмитрия Михайловича, что он думает о вечном и недостижимом счастье. А вот симпатичный автору герой романа "Сорок лет Чанчжоз" полковник Шаллер выразился достаточно точно по этому поводу: "Счастье — это умиротворение. Жизнь без потрясений, размытая. Все любовные потрясения и переживания... Старесть происходит в юности, в ней же и остается... Старость должна иметь плод любви, который принесет ей умиротворение". У Липскерова два прекрасных плода любви. И в запасе — целая жизнь. Ему всего 38.

Наталья ДАРДЫКИНА.